

БАЛЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

НИКИТА БОГОСЛОВСКИЙ

“Алла подарила мне сувенирный ключ, а я ей взамен дал ключ от своей квартиры”

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

— Никита Владимирович, вы можете назвать лучших исполнителей своих песен?
— Это Лемешев, Утесов, Бернес, Муслим Магомаев и, как ни странно, человек, с которым у меня нарушены все отношения.
— Вы имеете в виду...
— Я говорю об Иосифе Кобзоне. Если вы помните, уважаемые читатели, на этих словах обрывалась беседа с Никитой Богословским, которая была опубликована в “ВК” 19 февраля. Мы предложили вам продолжить интервью и задать композитору свои вопросы. Естественно, что в числе других вопросов был и этот:
— А что случилось? Почему у вас, Никита Владимирович, нарушились отношения с Иосифом Кобзоном? Вы поссорились? Неужели примирение невозможно?
— Это не ссора. Близкими друзьями мы не были никогда — нас связывали чисто творческие отношения. А порвал я их потому, что однажды Иосиф Давыдович не пришел на мой вечер в Киноцентре, где почти половина второго отделения концерта была завязана на нем — он должен был исполнять мои песни. Можете себе представить ситуацию! Сразу после концерта я позвонил ему и сказал, что отныне считая наши отношения исчерпанными и запрещаю ему исполнять мои песни живьем.
— Живьем?
— Если на радио дают записи моих песен в его исполнении — я это запретить не могу. В этом уже ни он, ни я не виновны. А в концертах, то есть “живьем”, — да, запретил.
— И примирение невозможно?
— Если бы он хотя бы извинился... Но извинений не было. Ну, нет, так нет.
— Никита Владимирович, после публикации первой части нашей беседы было много звонков в редакцию, читатели задавали свои вопросы. Что-бы ответить на все, нам с вами не хватит газетной полосы. Поэтому мы многие вопросы сгруппировали, выбрали наиболее интересные. Ну вот, скажем, такой вопрос: “Вы встречались со многими знаменитостями. Кого из них вы могли бы назвать своими друзьями?”
— К сожалению, почти все мои друзья на этом свете уже не живут. Их было много в разное время. Если говорить о коллегах, то это Леонид Осипович Утесов. Он был значительно старше, но со временем разнича в возрасте как-то стерлась. Вася Соловьев-Седой — он, можно сказать мой одноклассник. Марк Фрадкин... Прекрасные отношения были с Михаилом Михайловичем Зошенко. Очень теплые с Ильей Арнольдовичем Ильфом, но, к сожалению, недолгие, он быстро умер. С Евгением Петровым, с Алексеем Николаевичем Толстым — в довоенные и военные годы. С поэтами — Алексеем Фатьяновым, Женей Долматовским, Робертом Рождественским... Много было друзей. А сейчас остался только один — Оскар Фельцман, мой коллега, которого я очень люб-

лю и надеюсь, что он платит мне взаимностью.
— А враги, недоброжелатели у вас были?
— Я не знаю таких.
— Не может быть! С вашей-то страстью к розыгрышам? Неужели никто не обижался?
— Если и обижались, то не надолго. Меня ведь тоже разыгрывали. К тому же мне иногда приписывают то, чего я не делал и не говорил. Однажды “Литгазета” написала: “Если вы хотите сделать какую-то шутку знаменитой, припишите ее Бернарду Шоу или Никите Богословскому”.
— Ваши кумиры в музыке?
— Здесь у меня единство противоположностей. Моцарт и Шостакович.
— А если говорить о современных?
— Тоже. С одной стороны, Шеллин и Шнитке, с другой — Свиридов.
— А среди композиторов-песенников? Кого бы вы поставили на первое место?
— Хороших очень много. Дунаевский, Мокроусов, Фрадкин; конечно, Алла Пахмутова, у нее прекрасные песни. Но на первое место я поставил бы Соловьева-Седова.
— Выше Дунаевского?
— Безусловно. Соловьев-Седой — огромный талант, самобытный, а Дунаевский... Он, конечно, очень талантлив, но грешил заимствованиями.
— Вот еще один вопрос читателей: кого из современных исполнителей эстрадной песни вы считаете лучшим?
— Любимым исполнителем был и остается Кобзон, несмотря ни на что. Кто еще? Я не знаю, как стала петь Алла Пугачева после перерыва — не слышал. А до этого она пела прекрасно. Это явление выдающееся. Конечно, со вкусовыми сдвоями, но у кого их не было? Господи, даже у Шалапина они случались!
— Значит, Иосиф Кобзон и Алла Пугачева — лучшие. А кто худший?
— Эталон негатива для меня — Филипп Киркоров. Все, что есть отрицательного у современных певцов, представлено в нем — пошлость, безвкусица, безголосье.
— Не слишком ли строго?
— Это мое мнение. Он мне резко не по душе.
— А какая современная песня вам больше всего нравится?
— Никакая.
— Неужели ни одна не нравится?
— Не-е!
— Может быть, это связано с вашим неприятием современной эстрадной музыки вообще?
— Я с уважением отношусь к поп- и рок-музыке. Весь вопрос в том, кто и как ее пишет, кто и как исполняет. Это же касается и современных песен. Сегодня на 95 процентов их сочиняют непрофессионалы.
— Музыку?
— И стихи тоже, если это можно назвать стихами. Какие это стихи! Это даже не тексты. Это просто набор слов — как сопровождение к ударным инструментам. Они не просто бездарные — это само собой, они безграмотные. В результате производится нечто,

где нет ни мелодии, ни слов. Черт знает что! А эта натушная экспрессия в исполнении? В лучшем случае такие песни живут полгода — год (это уже успех), а большинство умирает сразу же после первого исполнения. Не считайте за ретро-ностальгию, но песни поэтов и композиторов моего поколения застревают в памяти людей как минимум лет на десять. И пели их не только с эстрады.
— А как вы сами писали песни? На готовые стихи? Или, наоборот, стихи сочинялись на вашу мелодию?
— О, это очень сложный процесс! Объяснить его невозможно. И так, и этак. Бывало, что я сидел за роялем, а поэт — рядом с карандашом и блокнотом.
— На свои стихи не пробовали сочинять песни? Ведь вы же пишете стихи?
— Ну что вы — какие стихи! Так — версификационные упражнения. Эпиграммы, шутки... Иногда — опять-таки в шутку — что-то сочинял на чужие мелодии. Нет, серьезно на свою музыку никогда ничего не писал. Однажды, правда, режиссер Луков для фильма “Александр Пархоменко” попросил написать слова на мелодию “Ты ждешь, Лизавета”. Сначала песню должен был исполнять в фильме некий герой-обыкновенный. Ну я и написал нечто, как мне казалось, подходящее:
Лучок да картошка,
огурчик соленый.
Мировая закуски
в огороде растет.
Что нужно нам в жизни?
Лишь садик зеленый.
Свой зеленый садик-огород...
Но потом, к счастью, песня была вложена в уста положительного героя, и слова для нее написал Евгений Долматовский. Он это сделал, конечно же, лучше.
— Вот, кстати, вопрос читателей: были ли у вас неудачные песни?
— Да сколько угодно! Я написал около 400 песен. Конечно, было и много ерундовых. Когда я слушаю некоторые из них, с ужасом думаю: “Боже, какую я муру написал!”
— Скажите, а было ли когда-нибудь так: вы сами считали свою песню неудачной, а публике она нравилась и народ ее пел?
— Чаше бывало наоборот. Но и такое случалось. Как-то я написал песню на слова Николая Доризо и сам про себя окрестил ее песней вагонных нищих. Помните, после войны по вагонам ходили инвалиды и исполняли ли жалостливые песни?
— Это вы о какой своей песне говорите?
— Да была у нас с Доризо такая песня, может, знаете? “Помнишь, мама моя, как девчонку чужую...” Я к ней иронически относился. Но, к моему удивлению, одно время она была очень популярной — ее пели во всех застольях.
— Вот еще такой читательский вопрос: для какого фильма вам было труднее всего писать музыку?
— Для короткометражек Гайды — “Пес Барбос и необыкновенный

кросс” и “Самогонщики”. Труднее и, пожалуй, интереснее.
— Почему?
— Дело в том, что нужно было наложить музыку на уже снятый фильм. Мне пришлось не только ее сочинять, так сказать, покадрово, но и самому продиржировать. Другой дирижер просто бы запутался. Жуткое дело!
— А лучшая музыка — к какому фильму?
— “Жили три холостяка” — была такая музыкальная комедия. И — “Разные судьбы”.
— Никита Владимирович, вы до сих пор пишете. Но уже не песни, а книги, воспоминания, “Заметки на полях шляпы”... Сколько у вас, кстати, книг?
— Семь.
— Словом, потрясающее творческое долголетие. Почему же вы перестали писать песни? — спрашивают читатели. Прозу писать легче?
— Я не хочу больше писать песни.
— Можете сказать, почему?
— Если я напишу песню так, как я хочу, и так, как я всегда писал, ее сегодня никто не будет петь. Нынешним исполнителям нужны другие песни. А эти другие, так называемые современные, я писать не хочу. Наверное, за счет техники и опыта я мог бы это сделать. Там все довольно примитивно. Но это не мое, это было бы чисто формальным сочинением. Понимаете, писать только для себя — это очень красиво звучит. Но я не привык сочинять в стол — это нелепо. А потом у меня есть самолюбие, и мне было бы чрезвычайно неприятно, если бы я что-то им предложил, а они бы сказали: “Нам это не годится”.
— Они — это кто?
— Тот замкнутый клан на ТВ, от которого зависит сегодня судьба песни. Имена называть не буду. Может, они в чем-то и правы: все, что сегодня пишется и исполняется, это музыка для молодых.
— Музыка для идиотов, а не для молодых! — это, уже не выдержав, вмешивается жена Богословского композитор Алла Сивашова.
— Ну зачем ты так! Молодым нужны другие песни.
— А как вы думаете, Никита Владимирович, ваши песни, песни вашего поколения они... умрут?
— Наверное, да. Про нас забудут. Алла Сивашова: Нет, не забудут! Два десятка названий будут жить, пока живет страна.
Богословский: Не знаю... В войну были сочинены блестящие песни моих коллег. Но, мне кажется, и эти песни умрут, потому что никто не хочет знать про ту войну.
Алла Сивашова: Нет, нет! Может, “Вы”, — спрашивает, — как предполагаете — прийти на обед или на

ужин?” Я говорю: “На ужин”. Ну и что... Ну пришла. Мы сейчас же послушали музыку и выяснилось (к моему стыду!), что у Богословского, оказывается, восемь симфоний. Я вам должна сказать, что о существовании их я не подозревала. Мы послушали четвертую симфонию, я была просто потрясена. Чистая правда! Ну а потом — ужин, сосиски, картошечка, прелестно накрытый стол. Да, еще по телефону он спросил: “Что вы пьете?” Я говорю: “Все, что выше сорока”. Стоит водка соответственно. Мы посидели. Ну а дальше... Он очень нахальный.
Богословский: Алла пришла и подарила мне очень красивый большой деревянный ключ, сувенирный. А я ей взамен дал ключ от квартиры.
Алла Сивашова: Самое главное, что мы не сговаривались. А так я думала: что нести? Цветы? Ну что цветы? Я уже поняла, что он какие-то имеет на меня виды как на женщину. Вот так все и началось.
Богословский: И, слава Богу, продолжается.
— С супругами-композиторами все ясно. Давайте снова перевернем пластинку. Читатели спрашивают, Никита Владимирович, как вы относитесь к дискуссии о российском гимне?
— Я против того, чтобы сохранять старый гимн — его время прошло, но и мелодия Глинки вызывает у меня большие сомнения. Вообще “Патриотическая песня” Глинки — не лучшее сочинение нашего русского гения. Оно никогда не было популярным, его редко исполняли. К тому же его ритмика крайне затрудняет написание стихов. Не случайно у этой музыки нет прямой узнаваемости. Попросите любого человека, даже музыканта, ее напеть — он вам не споет. Музыка гимна Александра Тяжеловесна, но она узнается сразу, а “Патриотическая песня” Глинки — нет. Мне кажется, надо, чтобы кто-нибудь из молодых композиторов специально написал гимн. Почему бы не провести конкурс среди выпускников консерваторий? Мелодия должна быть торжественной — чем-то вроде “Боже, царя храни”. Прекрасная, между прочим, мелодия. Львов написал классический гимн.
— Так, может, на музыку Львова новые слова написать?
— Боюсь, нашим поэтам это будет не под силу.
— А вы бы не взялись написать музыку?
— Никогда не писал никакой героики. И никогда, слава Богу, мне ее не заказывали. Для этого были Туликов, Мурадели...
— А как вы вообще относитесь к политике и к политикам? Давайте мы проведем с вами социальное опрос: за кого бы вы проголосовали, если бы выборы президента состоялись сегодня?
— Я бы проголосовал за Ельцина 10-летней давности. К сожалению, все те прекрасные вещи, которые тогда инициировал Ельцин, сегодня уходят в песок.
— Тогда любимым вопросом русской интеллигенции: кто виноват?
— Мне кажется, то огромное число бездарных холуев и карьеристов, которые нынче окружают Бориса Николаевича. Он мне очень симпатичен, но, боюсь, за два оставшихся года он просто устанет.
— Какой политик вам наиболее неприятен?
— Жириновский. Клонуны мне больше нравятся на арене цирка.
— А новых достойных политиков вы видите?
— Наверное, они где-то есть. Да черт их всех разберет!
— Скажите, Никита Владимирович, из тех людей, которых вы встречали в своей жизни, кто произвел на вас самое сильное впечатление? Как личность?
— Как личность? Пожалуй, Михаил Михайлович Зошенко. Среди профессионалов — это, конечно, Дмитрий Дмитриевич Шостакович и мой учитель Александр Михайлович Глазунов. Из зарубежных — Жан Марэ и мой коллега Мишель Легран.
— И последний вопрос. Читатели спрашивают: вы в судьбу верите?
— Как вам сказать... Не знаю, судьба это или нет, но я родился в доме, на котором висит мемориальная доска, сообщающая, что здесь жил Римский-Корсаков. Потом я переехал в дом, где теперь висит мемориальная доска, что там жил Глазунов. Это в Петербурге. В Москве я снимал квартиру в доме в Камергерском, где на втором этаже надо мной жил Сергей Сергеевич Прокофьев. Сейчас там тоже — доска. И теперь я живу в доме, где висит доска: Мокроусов, Мурадели... Это судьба или нет?
— А вы как думаете?
— Не знаю. А вот еще такой пассаж: в свое время жена канадского посла — она была бразилианка — предлагала мне, что я умру насильственной смертью.
— И вы верите?
— Я бы поверил, но, по ее предсказаниям, это должно было случиться 10 лет назад. Но я, как видите, жив.
— И дай Бог вам здоровья, — дружно сказали мы Никите Владимировичу, которому, напомним, 22 мая этого года исполняется 85 лет.
В гостях у заслуженного деятеля искусств (1968), народного артиста РСФСР (1973), народного артиста СССР (1984), Почетного Кавалера “Вечернего клуба” (1993) были: Валерий ЕВСЕЕВ, Николай МИХАЙЛОВ.

Им написаны 400 песен, в том числе 95 — для кино, музыка к 60 художественным и 50 мультипликационным фильмам, 18 оперетт, 8 симфоний. Не слабо.